

Radoria Kodneus

Снег шел, а мы всё
хотели на море

Radoria Kodneus

Снег шел, а мы всё хотели на море

«Автор»

2025

Kodneus R.

Снег шел, а мы всё хотели на море / R. Kodneus — «Автор»,
2025

Мир, который забыл море. Двое, которые не могут забыть. Под куполом вечного Купола-17 есть только серый металл и белая тьма снаружи. Лев и Юлия — всего лишь винтики в системе выживания, пока они не находят невозможное: фотографию солнца, песка и бирюзового моря. За «морскую болезнь» здесь лечат в Камере Белого Шума. За мечту — отправляют в шахты. За побег — на верную смерть в бескрайних снегах. Но они сбегают. В мир, где рельсы ведут в Никуда, странники верят в поезда-призраки, а в снегу расцветают хрупкие синие цветы. Их преследуют не только охотники из Купола, но и призраки всех, кто искал до них — и разочаровался. Чтобы дойти до конца, им придется оставить всё, даже собственную рассудочность, и задать себе последний вопрос: что важнее — найти синюю воду или доказать, что мир не бесконечно белый? Пронзительная антиутопия, где магический реализм тает на языке, как снежинка. История о том, как заглянуть за край карты, даже если там — лишь тонкая синяя линия между миражом и чудом.

© Kodneus R., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Белый календарь	5
Глава 2. Реликвия	7
Глава 3. Ересь	10
Глава 4. Приказ №1: Не мечтать	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Radoria Kodneus

Снег шел, а мы всё хотели на море

Глава 1. Белый календарь

Снег шел всегда. Это был не тот снег, что рисуют в детских книжках – хлопьями, кружащимися в танце. Этот снег был упрямым и скучным. Он летел горизонтально, тонкой, неумолимой стружкой, и налипал на все, как серая корка. Как струп на ране мира.

Лев упирался коленом в ледяной выступ, цеплялся рукой за рамку солнечной панели и счищал скребком намерзшую массу. *Сорок седьмая*. Шестьсот одиннадцатая с начала месяца. Он не записывал, просто знал. Его тело вело этот счет само: плечо ныло с утра по-особенному, значит, перевалило за пятисотую. Внутри скафандра, пропахшего потом и пластиком, хрипел респиратор. Воздух был теплым и безвкусным, как вода, которую жуешь.

Внизу, в серой дымке, угадывались силуэты других Куполов. Сотни, может, тысячи. Они выглядели не как города, а как гигантские, полузасыпанные скорлупки, изрыгающие в небо слабый свет от прожекторов. На их поверхностях копошились такие же, как он, серые фигурки. Чистили. Вечная, бессмысленная гимнастика выживания. Иногда Лев представлял, что они не живые, а просто шестеренки в механизме, который обслуживает сам себя, забыв зачем.

Он провел скребком по стеклу последний раз, оставив прозрачную полосу. На секунду в ней отразилось его лицо – бледное, с темными кругами под глазами, с каплями пота на лбу, слипшимися с ледяной крошкой. Он выглядел как призрак. Как все здесь.

Внезапно его респиратор захрипел сильнее, выдох уперся в стекло маски, и на внутренней стороне, прямо перед глазами, расцвел иней. Красивый, паутинистый. Палец в толстой перчатке повиновался глупому импульсу раньше, чем мозг. Он провел по холодному стеклу. Не цифру. Не крест. Кривую линию. Потом еще одну ниже. Волну.

Он замер, смотря на этот детский рисунок. Сердце екнуло глупо и тревожно. И тут же, почти яростно, он провел по рисунку рукавом, стирая его в мутную влагу. *Не мечтать. Мечты расходуют кислород*. Это была не шутка, а статья из учебника по психогигиене.

Сигнал в наушниках – смена. Он отцепил карабин и начал спуск по обледенелой скобе на платформу шлюза. За ним, как погребальный саван, тянулась бесконечная белая равнина под небом цвета синяка.

История была самым бесполезным и самым обязательным предметом. Учитель Аркадий Петрович говорил монотонно, не глядя на учеников, уставившись в мерцающий экран с картой.

«Большая Вода пришла не как катастрофа, – бубнил он, – а как очищение. Старый мир прогнил от излишеств, от жажды обладания. Вода смыла эту ржавчину».

На экране анимация: синие волны накрывали зеленые континенты. Континенты исчезали. Карта увеличивалась, показывая сеть – тонкие белые линии, соединяющие крошечные точки.

«Великий Холод пришел вслед за ней как защита, – продолжал Аркадий Петрович. – Он остановил испарение, заморозил хаос. Он дал нам форму». Точки на карте разрастались, превращаясь в схематичные купола. Купол-1. Купол-7. Купол-17. Их родной дом.

«Наши предки построили Купола. Это не стены, дети. Это – наша кожа. Она отделяет нас от смерти и хранит жизнь внутри. А что хранит жизнь лучше всего?»

Он сделал паузу, ждал. Из последнего ряда нехотя пробормотали хором:

«Забвение. Стабильность. Труд.»

«Верно, – кивнул учитель. – Забвение – не враг памяти. Это лекарство от боли. Мы помним только то, что нужно для выживания. Все остальное – балласт».

Лев смотрел в окно класса. Оно выходило не наружу, а в внутренний атриум Купола – на искусственный парк с чахлыми соснами в серых кадках и на фреску на противоположной стене. Фреску с изображением идеального Купола, окруженного сиянием, и схематичных, улыбающихся людей. Никакой белой пустыни. Никакой вечной метели.

Его взгляд упал на парту. Кто-то из предыдущих поколений выцарапал на пластике что-то тонким гвоздем. Не слово. Знак. Три волнистые линии. Как его рисунок на инее.

Он быстро отвел глаза, почувствовав внезапный, острый укол стыда. Как будто его поймали на краже.

На перемене, пока другие толкались в коридоре, он подошел к карте. Она была неинтерактивной, просто распечаткой под пластиком. Сеть Куполов, как паутина. Ни океанов, ни гор. Только серые кружочки и линии туннелей. И белое, белое, белое поле между ними. *Нигде*. Так и было подписано у края карты: «Зона нестабильности. Вход воспрещен».

«Думаешь, там есть что-то?»

Он вздрогнул. Рядом стояла Юля. Ее рыжие волосы, такие яркие на фоне всеобщей серости, были собраны в неаккуратный пучок, из которого вечно выбивались пряди. Она смотрела не на него, а на карту, на самое слово «Нигде».

«Нет, – быстро сказал Лев. – Там же написано. Нестабильность».

«А что это значит? Лед тоньше? Или... что-то живое?»

«Ничего живого там нет. Только смерть. Так учат».

Юля фыркнула. Она всегда фыркала, когда слышала «так учат».

«Моя бабушка, – сказала она тихо, хотя вокруг никто не слушал, – иногда во сне говорила странные слова. «Песок». «Жара». «Прибой». Я в словаре смотрела. Прибой – это когда вода бьется о землю. Постоянно. Шумно. Представляешь? Шум, который не от машин».

Лев представил. Не смог. В его мире были только тихий гул вентиляции, скрежет скребка по стеклу и вой ветра снаружи, приглушенный метровым сплавом.

«Это болезнь, Юль. Старческая. Морская болезнь ума. Ее лечат в диспансере».

«Может, и болезнь, – она повернулась к нему, и в ее зеленых глазах вспыхнул тот самый, опасный огонь. – Но откуда тогда слова? Откуда сны? Их же не выцарапаешь из головы скребком».

Зазвенел звонок. Они пошли на урок термодинамики. Лев сел за парту, на том месте, где были выцарапаны три волны. Он положил на них ладонь, будто пытаясь почувствовать шероховатость через кожу. Он снова подумал о своем рисунке на инее. О словах бабушки Юли.

А снаружи, за метровыми стенами сплава, за панцирем Купола-17, снег все шел. Он не пытался проникнуть внутрь. Он просто был. Фон. Константа. Белый календарь, в котором все дни были похожи, и счет велся только на очищенные панели и забытые сны.

Глава 2. Реликвия

Архивный сектор G-7 официально назывался «Зоной временного хранения неактуальных данных». Все в Куполе знали, что это значит: свалка. Сюда на тележках свозили все, что потеряло практическую ценность, но было слишком ценно, чтобы просто отправить в переплавку. Старые учебники с «устаревшими» картами, чертежи машин, которые уже не производили, логи серверов с непонятными теперь записями. Здесь была законсервированная смерть информации.

Лев ненавидел это место. Воздух был густой, как кисель, и пах озоном от отключенных панелей и сладковатой пылью разлагающейся бумаги. Тишина здесь была иной – не внешней, а внутренней, высасывающей звуки, как промокашка.

«Я уверена, тут должен быть вход, – шептала Юля, поглаживая рукой шершавую стену, заставленную стеллажами с катушечными дисками. – В старом плане коммуникаций здесь была отметка: «Техническая ниша Y». Бабка говорила, что раньше там хранили «капсулы времени» для потомков. Представляешь? Они что-то оставляли *нам*».

«Они оставляли нам Купола, – мрачно ответил Лев, отряхивая с плеча паутину, которая была похожа на седой мох. – И этот архив. Сомневаюсь, что у них были в запасе более интересные идеи».

Но Юлю было не остановить. Ее азарт был единственным источником тепла в этом ледяном склепе. Она уперлась в торец тяжелого металлического стеллажа, нагруженного коробками с перфолентами.

«Помоги!»

Стеллаж с пронзительным скрипом, будто возмущаясь, сдвинулся на несколько сантиметров. За ним открылась стена, испещренная причудливыми шрамами – следами от демонтированных труб и кабелей. И среди этого хаоса – прямоугольная тень, едва заметная впадина, прикрытая панелью из серого композитного материала. Панель висела на одной нижней заклепке.

Юля, не раздумывая, просунула пальцы в щель и рванула на себя. Раздался сухой треск, панель оторвалась и упала ей на ноги, подняв облако вековой пыли.

За ней была ниша. Небольшая, примерно по грудь. И в ней, в луче ее фонарика, лежало ЭТО.

Это был чехол. Простой, прямоугольный. Но его цвет заставил Льва моргнуть, будто от вспышки. Бирюзовый. Не выцветший серо-голубой, а насыщенный, глубокий, как... он не знал, как. Такого цвета не было в палитре Купола. Материал был толстый, прорезиненный, и на нем были странные швы. Он лежал там, как крик в тихой комнате.

Юля замерла, ее дыхание стало частым, запотевая стекло фонаря. Она медленно, почти благоговейно, протянула руку и коснулась чехла.

«Он... мягкий. И холодный. Но не как лед. Иначе».

Она вытащила его. Чехол был тяжелее, чем казался. На его поверхности не было ни пыли, ни плесени. Он отталкивал грязь, время, забвение. На лицевой стороне было выдавлено лого – стилизованная птица с распростертыми крыльями, несущая в лапах какой-то предмет.

«Что это?» – прошептал Лев.

«Не знаю. Но это... это *сделано*. Не выращено в биореакторе и не отлито в форме. Это сделал человек, чтобы что-то сохранить».

Молчание повисло между ними, густое и давящее. Лев почувствовал древний, животный страх. *Не трогай. Положи на место. Забудь*. Голос учителя истории, голос Совета, голос всего Купола звучал у него в голове.

Но Юля уже расстегивала молнию. Она шла туго, с сопротивлением, будто последний раз ее открывали очень давно. Раздавалось тихое, сокрушительное *р-р-р-р-р*.

Внутри лежала стопка плоских предметов, завернутых в прозрачный целлофан. Юля вытащила первый.

Это была фотография.

Лев увидел ее и внутренне сжался, готовый к ужасу, к странным существам, к чему-то непостижимому.

Но он увидел... людей.

Трое. Двое взрослых и ребенок. Они сидели на... на чем-то желтом, рассыпчатом. Их ноги были босыми. Они смеялись, их лица были обращены к солнцу, и на этих лицах не было ни тени усталости или страха. Их кожа была странного, теплого, золотистого оттенка, а не синевато-бледной, как у всех в Куполе. Они были одеты в яркие, нелепые лоскуты ткани – алые, солнечно-желтые. А за ними...

Лев придвинулся. За ними было не белое поле. Не серые стены. Было пространство, бесконечное и пугающее. Ближе – бирюзовая, прозрачная рябь, накрывающая темное дно. Дальше – сплошная, густая, невероятная синева, сливающаяся с другим синим – неба. И над этим всем – ослепительный, белый, горячий шар солнца. Настоящего. Того, что обжигает, а не просто светит.

«Море, – выдохнула Юля. Ее голос был хриплым, полным слез, которых не было. – Это же оно. Бабкины слова. Прибой».

Она ткнула пальцем в бирюзовую рябь. «Они же... они же *мокрые*. Они сидят в этом. Они этому *рады*».

Лев не мог оторвать глаз. Его мозг отказывался обрабатывать. Это была не схема, не голограмма из учебника биологии. Это была ловушка для мгновения. Солнечный свет, пойманный в ловушку. Смех, законсервированный. Жизнь, которая была настолько иной, что казалась издевательством над их собственным существованием.

Следующим предметом был цветок. Маленький, хрупкий, сплюснутый. Ярко-желтый, с нежными лепестками вокруг пушистой сердцевины. Он лежал в прозрачном конверте, и казалось, что одно неловкое движение – и он превратится в пыль. Это был цвет. Настоящий, рожденный не в лаборатории под ультрафиолетом, а под тем самым ослепительным солнцем.

Потом – билет. Хрустящий прямоугольник из плотной, теплой на вид бумаги. На нем были напечатаны слова: «МОСКВА – АНАПА». И ниже: «Поезд № 347. Вагон 09. Место 021». Были цифры, печати. Это был ключ к движению. Не пропуск в туннель между Куполами, а билет в Никуда. Из одного Несуществующего в другое Несуществующее.

И последнее. Оборот фотографии. На нем, синими чернилами, уже поблекшими, но все еще живыми, была надпись. Неаккуратная, кривая, сделанная быстро, может быть, на коленке, на ветру. Всего четыре слова:

ЗДЕСЬ БЫЛА ЖИЗНЬ.

Они сидели в пыли архива, в луче одного фонарика, и смотрели на эти слова. Тишина вокруг стала абсолютной. Даже гул вентиляции куда-то пропал.

«Была, – наконец прошептал Лев. Его голос звучал чужим. – Значит, ее нет».

«Нет! – резко сказала Юля, сжимая фотографию так, что пластик затрещал. – Она **БЫЛА**. Понимаешь? Она не выдумана. Она не миф. Она существовала. Вот доказательство! Из плоти, и бумаги, и... и цвета!»

Она посмотрела на него. В ее глазах горело не просто любопытство. Горела ярость. Горела жажда.

«Значит, она могла быть где-то еще. Могла остаться. Хотя бы в виде синей полоски на горизонте. Они не смогли уничтожить все. Не смогли».

Лев смотрел на бирюзовый чехол, на эту кричащую икону прошлого. Страх никуда не делся. Он сжимал горло ледяной рукой. Они нашли не ответ. Они нашли мину, замедленного действия, спрятанную в толще забвения.

Но когда он снова взглянул на золотые лица на фотографии, на это море, которого не может быть, он понял одну простую вещь. Они уже не смогут этого не видеть.

Юля осторожно, как святыню, уложила все обратно в чехол и застегнула молнию. Звук *р-р-р* теперь казался звуком запечатывания тайны. Тайны, которая теперь была их.

«Что будем делать?» – спросил Лев, уже зная ответ.

Юля прижала чехол к груди, к своему серому комбинезону, и бирюзовый цвет вспыхнул, как синяк на бледной коже мира.

«Покажем тому, кто боится этого больше всего. Картографу. Если он испугается – значит, мы на правильном пути».

Она погасила фонарь. В крошечной тьме архива, в могиле данных, теперь хранилась одна невероятная, опасная и живая вещь. И двое детей, которые несли ее, как самое ценное и самое запретное сокровище на свете.

Глава 3. Ересь

Комната старика Семена Семеновича, официального Картографа третьего разряда (по факту – последнего хранителя бесполезных знаний), была не жильем, а продолжением архива. Только более личным, более безумным. Воздух здесь был гуще, пропахший не озоном, а дешевым спиртом-антисептиком, плесенью и старческой немощью. Стеллажи не стояли ровно – они росли из стен, из пола, громоздились друг на друга, образуя каньоны из рулонов пожелтевшей кальки и папок с чертежами. Всюду лежали обломки приборов: сломанные курвиметры, линзы теодолитов с трещинами, стрелки компасов, застывшие в немом указании. Это была пещера отшельника, помешавшегося на геометрии исчезнувшего мира.

Семен Семенович сидел за столом, сгорбившись под зеленым абажуром настольной лампы. Его руки, покрытые коричневыми пятнами и тонкой сетью шрамов (от порезов бумагой, думал Лев), перебирали бесконечную ленту перфокарты. Пальцы двигались автоматически, почти не глядя. Он был не человек, а механизм по обработке утративших смысл данных.

Юля кашлянула. Старик вздрогнул, но не обернулся. Его спина, худая и костлявая под потертой синтетической тканью халата, напряглась.

«Кто?»

«Лев и Юля. Из школы. Архивного сектора», – сказал Лев, чувствуя, как комок подкапывает к горлу. Принести сюда находку теперь казалось безумием.

«Архив... – старик произнес слово, будто пробуя его на вкус. – G-7? Или F-12? В F-12 вентиляция сломана. Там теперь, наверное, грибок. Данные разлагаются быстрее, чем бумага. Идеальная метафора». Он наконец повернулся.

Его лицо было картой более подробной и пугающей, чем любые в его коллекции. Глубокие трещины-морщины расходились от глаз и рта, словно от эпицентра взрыва. Глаза, водянисто-голубые, смотрели сквозь них, будто из глубоких колодцев. Но в них еще теплился острый, колющий огонек понимания.

«Вы не за справкой, – констатировал он. – За справкой приходят днем, с бумагой от Совета. Вы пришли ночью. С тайной. Самое опасное, что можно принести в мой дом».

Юля не стала тянуть. Она шагнула вперед, вытащила из-под куртки бирюзовый чехол и положила его на стол, прямо на развернутую карту какого-то несуществующего узла коммуникаций.

Звuka не было. Но Льву показалось, что воздух в комнате дрогнул, как перед ударом грома.

Семен Семенович не шевельнулся. Он смотрел на чехол. Не на Юлю, не на Льва. На этот кусок бирюзового цвета, кричащий в его монохромном царстве. Его лицо не выразило ничего. Оно просто... опустело. Жизнь из него утекла, оставив лишь глиняную маску.

«Откройте», – прошептал он так тихо, что слова почти не было, лишь движение губ.

Юля, не сводя с него глаз, расстегнула молнию. Вытащила фотографию. Положила перед ним.

И тут старик сломался.

Он не закричал. Он издал звук, похожий на хриплый предсмертный хрип, будто в него ударили под дых. Его рука дернулась, не к фотографии, а *против* нее, как будто отталкивая призрак. Он откинулся на спинку стула, и его глаза округлились, стали огромными, пустыми и влажными. Как у рыбы, выброшенной на лед и замерзающей на глазах.

«Червь... – проскрежетал он. – Это червь. Ты принесла червя, девочка. Он в этой бумажке, в этом цвете. Он сейчас прогрызет дно твоего ума, выползет наружу и начнет точить стены... точить стены всего, что осталось!»

Он внезапно рванулся вперед. Его костлявые пальцы впились в фотографию. Он смял пластик, вырвал его из рук Юли, которая от неожиданности отпустила. И, прижимая скомканный комок к груди, он заковылял к печке-«буржуйке», тлеющей в углу.

«Нет!» – крикнула Юля, но Лев схватил ее за руку. Ужас сковал его. Они видели, как безумие в действии.

Старик швырнул фотографию в открытую дверцу, на тлеющие угли. Пластик сморщился, почернел, но не вспыхнул сразу. Он тлел, выпуская едкий черный дым, который потянулся в комнату, как призрачный флаг. Старик стоял на коленях, тяжело дыша, и смотрел, как горит прошлое.

Но прошлое не хотело гореть.

Пластик оплавился, обнажив бумажную фотографию. Огонь лизал ее угол, обуглил край, где были смеющиеся люди... и задохнулся. Бумага была слишком плотной, слишком пропитанной временем и химией. Она лишь почернела, покособилась, издав жалкий треск.

И в дыму, в свете уродливого, неудавшегося костра, старик увидел то, что не успело сгореть. Увидел золотистую кожу. Увидел бирюзовую воду. Увидел солнце.

Он зарыдал. Тихо, беззвучно, его худые плечи тряслись.

Лев и Юля стояли, парализованные. Сцена была настолько интимной в своем ужасе, что они чувствовали себя осквернителями.

Наконец, старик утих. Он вытер лицо рукавом, оставив на нем полосы сажи. Он не посмотрел на них. Он потянулся в печь, сквозь жар, и вытащил обгоревший, но уцелевший уголок фотографии. Положил его на каменный пол и прижал ладонью, будто гасил последнюю искру.

«Иди сюда, – хрипло сказал он Льву, не поднимая головы. – И ты, девочка с червем в голове».

Они подошли, опустившись на корточки перед ним. Он пахнул теперь гарью и отчаянием.

Старик схватил их за шиворот и притянул к себе так, что их лбы почти столкнулись. Его дыхание было горячим и кислым.

«Слушайте. И забудьте, что слышали. Иначе вас «вылечат». Или выбросят. Поняли?»

Они кивнули, не в силах вымолвить слово.

«То, что вы нашли... это не воспоминание. Это обвинение. Нам, тем, кто выжил. Мы выбрали Купола. Мы выбрали белую тишину вместо синего шума. Мы предали их». Он кивнул на почерневший уголок фото.

«Стрелка, – прошептал он, и его глаза метнулись к двери, будто боясь, что за ней стоят. – Последняя станция на Старой Южной магистрали. Там рельсы не кончаются. Они... уходят. Просто уходят в белое Нигде. Но по логике, по чертежам... они должны были вести к морю. К тому, что на твоей бумажке».

«Мы можем дойти?» – выдохнула Юля.

Старик дико засмеялся, но в смехе не было веселья.

«Дойти? Деточка, до него не доходят. Его или находят сразу, или ищут вечно. А «Стрелку»... ею заведует призрак. Сумасшедший. Как я. Он верит, что поезд еще вернется. Он поддерживает пути. Он последний, кто помнит расписание, которого нет».

Он отпустил их, и они отшатнулись. Старик подполз к одному из стеллажей, долго рылся внизу и вытащил не рулон, а плоскую металлическую коробку. Открыл ее. Внутри лежала салфетка, а в ней – компас. Но не обычный. Его картушка была помечена не буквами, а крошечными символами: молот, шестерня, капля... и стилизованная волна.

«Он не всегда смотрит на магнитный север, – сказал старик, суя компас Льву в руку. Тот был холодным и невероятно тяжелым. – Иногда его тянет к большим скоплениям металла. К старым путям. Может, обманет. Может, наведет. Берите. И уходите».

«А вы?..» – начала Юля.

«Я? Я буду здесь. Смотреть, как горят обрывки. И ждать, когда придут за мной. Теперь у них есть причина». Он обернулся и посмотрел на них в последний раз. В его глазах теперь не было страха. Была лишь бездонная, ледяная грусть. «Если встретите того сумасшедшего на Стрелке... передайте, что Семен из Картографии... все помнит. И все равно боится. Теперь идите. И пусть ваш червь точит стены. Может, так и надо».

Они вышли в коридор, давящий своей пустотой и чистотой после той душной, безумной комнаты. Лев сжимал в потной ладони тяжелый компас. Юля прижимала к груди бирюзовый чехол с обгоревшим уголком фотографии внутри.

Они не нашли союзника. Они нашли свидетеля. Свидетеля, который предпочел бы остаться в забвении. И карту, нарисованную не на бумаге, а на крике подавленной памяти: ищите Стрелку. Ищите последний вздох перед Нигде.

Они шли по мерцающим огнями коридорам Купола-17, и каждый шаг отдавался теперь иначе. Стены не защищали. Они запирали. А снаружи, за ними, было не просто белое Нигде. Там была Стрелка. И призрак, верящий в поезд. И рельсы, уходящие туда, где, возможно, все еще плещется синяя вода, помнящая смех.

Глава 4. Приказ №1: Не мечтать

Вызов пришел не по громкой связи и не через посыльного. Он пришел тихо, как инфекция. На индивидуальные коммуникаторы – плоские серые пластинки – одновременно пришел один и тот же сигнал: короткая, вежливая вибрация и текст на экране. «Лев К. / Юлия Р. Приглашаются в кабинет 001-А Сектора Администрации. Сегодня. 18:00. Вопросы текущей учебной дисциплины.» Без восклицательных знаков. Без угроз. Только неумолимая вежливость, за которой скрывался приказ.

До шести вечера они не разговаривали. Сидели на уроке синтеза питательных веществ, слушали, как вода капает в пробирку, и чувствовали, как бирюзовый чехол у Юли под одеждой и тяжелый компас у Льва в кармане жгут их, как клейма. Все вокруг казалось хрупким и ненастоящим, будто декорацией, которую вот-вот свалят.

Сектор Администрации пахнет иначе. Не машинным маслом, не человеческой немощью, не пылью. Он пахнет... ничем. Стерильным, подогретым воздухом с легкой отдушкой, напоминающей хвою. Здесь было тихо, ковровое покрытие гасило шаги. Стены были не серыми, а цвета слоновой кости. Это была не грубая сила Купола, а его изощренная, заботливая улыбка. От нее мурашки бежали по коже.

Кабинет 001-А был больше похож на гостиную в старых фильмах, которые иногда показывали на «Исторических минутах». Здесь был ковер с абстрактным узором, мягкие кресла, и даже – Лев едва поверил своим глазам – камин. Не голографический, а настоящий, сложенный из искусственного камня, за стеклом которого плясали языки живого, оранжевого пламени. Жара от него была сухой и приятной, обволакивающей. Это было настолько неожиданно, что они оба замерли на пороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.